

Дмитрий Бураго

БЕССНЕЖНАЯ ЗИМА

Перед вами — не сборник, а именно книга стихов. Со своей сюжетной линией, развитием, повторяющимися образами, главами, отступлениями, загадками и головоломками. Разумеется, автор надеется, что многие стихотворения имеют несомненную ценность как самостоятельные художественные произведения. Более того, стихи нельзя читать подряд — лучше уж раскрывать книжку наугад или, скажем, двигаться по ней, цепляясь за первые и последние странички разделов. Но потом, при должном упорстве и... ну, замнём... можно попытаться соединить всё в единое целое.

Автор и сам долго не мог понять, какое же главное противоречие движет его героем. Потом, кажется, догадался. Этот персонаж отчаянно дорожит каждым вздохом, каждой крохой земной жизни. Да ещё он один из тех, кто сегодня старается разобраться в устройстве мироздания. Но при этом он не верит в реальность происходящего, мучительно и безуспешно пытается *угадать*, что же он такое *на самом деле*. И разговор о сиюминутном редко ограничивается масштабами одной человеческой жизни или небольшой планеты. Даже банальная семейная ссора в стихотворении «Сирень». Мужчина и женщина *думают* на языках с несовместимой логикой, и лирический герой в раздражении напивается от безысходности. Но потом он глядит в окно — и видит не ночной город, а огромную вселенную. И слышит надвигающуюся с юго-востока грозу. И именно для него зацветает сирень. И тут он уже совершенно «себе самому не равен», не тождествен тому склочнику, одуревшему от кошмара непонимания, или усталому человеку, у которого впереди, в исторических масштабах, только — смерть, и глотающему от отчаяния коньяк по ночам. Да и нет его там уже, он растворился в этой вселенной, грозе, цветущей сирени, птичьим оре. Может быть, и это — путь к вере.

О себе автор спешит сообщить лишь то, что почти необходимо для полноценного прочтения книги. Родился в 1964 году в Ленинграде, но уже 15 лет служит профессором математики в университете штата Пенсильвания. Много ездит по миру, однако почти половину времени проводит в Питере. Из не-математических книг опубликовал «Чужое столетие» и «Город». Разумеется, необходимо иметь бумажные книги, но скачать электронные версии можно с <http://folioverso.ru/bibl/bibl.htm> — а из книги «Город», кстати, почерпнуть и ещё немало сведений о лирическом герое, делающим вид, что это он — автор.

В книгу вошли стихотворения, написанные или оконченные в 2007–2008 годах.

Дмитрий Бураго

Бесснежная зима

Санкт-Петербург • 2008

ISBN 978-5-901545-07-2

Автор благодарен Максиму Сорокину за издание этой книги

Отпечатано: ООО «Издательство Файнстрит»
190121, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 122
www.finestreet.ru

Корректор — А. Леонтьев
Верстка — Ж. Григорьева

На обложке использована репродукция картины В. Паршикова «Сон»

ЧУЖИЕ ГОРОДА

Первый снег

Прозрачная зима, совсем немного снега.
Неощутим разбег весенней маяты.
Мой друг, не отличить изгнание от побега.
И чудятся везде знакомые черты.

Нежней, чем на щеке снежинка-недотрога,
вольготнее холмов, где воздух невесом,
небрежнее кивка, тревожней, чем дорога,
случайнее травы, примятой колесом, —

непоправимый дар. Чудесно мёрзнут ноги:
промокли башмаки. Не следует любви
просить в чужих краях. Желания — убоги.
Оставь мне этот миг. Часы останови.

Облака

Из карманов — горсти сдачи:
уезжаешь в Аппалачи.
И — прости.
До тебя — что до Китая.
«Половина прожитая —
сон в горсти».

Молодись в штанах потёртых.
Почему не три четвёртых,
семь восьмых?
Сам-то, тонны часть осьмая,
что поёшь, сапог снимая?
Пых-пых-пых.

Пахнет прачечной кончина.
Ты — смеёшься. Ты мужчина,
и пока
над тобою небо сине
и плывут в ультрамарине
облака.

Мимозы

Снова зябкий запах дома,
пустовавшего немало.
Эта горечь так знакома.
Только поздно жить сначала.

Он прогреется нескоро:
вытирая пыль с трельяжа,
наблюдаешь в шапке вора,
обокравшего себя же,

да водою моешь ржавой
чашку, ждавшую полгода, —
незамеченный державой,
не заметивший народа,

не даривший незнакомке
ни мимоз, ни просто сердца.
Что потом поймут потомки?..
Не согреться, не согреться.

Ветер

Осень небо топит в луже.
Набегает ветер на
дом картонный. Я простужен,
и простужена жена.

Неженатому-то проще:
ветры веют из страны,
где всю ночь гуляют в роще
белокожие слоны.

Носорогов тонкошкурных
непонятна маята.
Только кто же их, понурых,
приласкает иногда?

Носорогов тонкокожих
пожалейте, господа!
Ну и кто же, ну и кто ж их
приголубит иногда?

На восточном побережье
ветер с юга дует из
стран шенгенских. Много реже
из Чикаго веет бриз.

Ветер северный, паскуда,
спать сегодня не даёт.
Из Канады иль откуда
он такой берёт разлёт?

Небо осень топит в луже.
Набегает ветер на
дом картонный. Я простужен.
И простужена жена.

Dolce Vita

Так незначителен урок.
Летать на юг — повадка птичья.
На поле гольфовом сурок,
клубок дорог — и все различья.

Кому ты нужен — тут и там?
Что толку в смене континента?
Шуршит по долам и мостам
дороги пасмурная лента.

Кому ты нужен? Темноте.
Бессонной ночи. Нереален
торшера свет. И всё не те
в туннелях улиц, комнат, спален.

Молчат дрозды. Из певчих птиц
пирог румяный: dolce vita.
Как много ласковых девиц.
Но как-то нету аппетита.

Чужие города

Проводница? Студентка. Мы едем в Ростов.
Где-то дочка моя? Будто мы — поезда:
те, что из ниоткуда летят в никуда.
Я считаю чёрных и белых коров.
Из титана жестью пахнет вода.

А возможно, грохочет состав в Кострому.
Полустанки, платформы, — но где беляши?
Раньше их продавали везде за гроши.
Ты не нужен в чужих городах никому.
Ты поспи чуток, ты ровней дыши.

Я считаю кудряшки, огни — и дни.
И бессонница мне озаряет путь
сквозь дневной сумбур и ночную жуть.
На разъезде, стрелочник, подмигни:
фонарём качни. Улыбнись. Забудь.

Дыра в будущее

Увы, без волненья на те же валы гляжу.
Светило на гребнях Атлантики умирало
и рассыпалось фигурами Лиссажу:
мне что-то чертило, но времени было мало.

А нынче пусть чайка морочит других, паря
над рябью залива, где снова чужая шхуна
роняет в пучину корявые якоря,
ничуть не смущая нагих дочерей Нептуна.

Не обожествляя беспамятный океан,
но одушевляя, о чем бы спросить? О жизни?
Здесь, пальцами щёлкни, за евро несут стакан.
И глупо не щёлкать при такой дешевизне.

О чем я пишу? О чем говорю с тобой,
утративший веру в реальность того, что вижу
сквозь разума призму? О том, как шумит прибой.
Как, столик трехногий в тенистую сдвинув нишу,

искать не пытаюсь какую-то дыр бул щыл,
под крепостью, рядом с мясистым кустом алое,
я пил вино и сорок минут луцил
креветки, не думая, кстати, и про былое.

Поезда-провода

Я заехал на час: провода-поезда.
Хоть в пруду торфяном не найдёте монет вы.
И смущенно и робко прошёл я сюда,
наклоня порою прозрачные ветви.

Повалился забор. На тропинке к реке
уцелела калитка — без платья заплатка.
Так волна размывает следы на песке.
А потом их смывает отлив без остатка.

И, как будто боясь тишину напугать,
я беззвучно вошёл. Никому не сознаюсь...
Этот стул у окна и вдоль стенки кровать...
Мне уже уезжать: я, простите, прощаюсь.

Прогорели дотла все большие слова.
Задремать бы в саду, чтобы сосен вершины
над дурной головой бормотали едва,
да пылили вдали по просёлку машины.

По тропинке на станцию скоро вернусь.
Электрички дождусь, поброжу по платформе.
От осеннего ветра плащом запахнусь.
Будет тихо в душе, как в покинутом доме.

Захвачу я с собой, уходя навсегда,
пару мятых листков со стихами моими.
Ты меня не утетишь мечтами большими.
Я тебе говорю: не беда, не беда.

Школьному другу

Звёзды смотрят в жилище твоё сквозь щели.
Ты в Дахабе про дождь и не вспомнишь даже.
Не ворочаешься по ночам в постели:
ветер дует, и парус в ажиотаже

бесконечной гонки, — а может, бегства? —
рвётся вдаль. У тебя на руках мозоли.
Но беспечен сон. Это снова детство:
пять пиастров — пакетик подмокшей соли.

От тебя до Синая — пульнуть из лука.
И в Израиль будут пускать без визы.
Но звезда, Рождество, Вифлеем — о скука!
Вдоль дороги пыльные кипарисы.

Не спрошу, с кем пьёшь или делишь ложе.
С кем бы поговорить? — до луны не ближе.
В Петербурге жить невозможно тоже:
дождь четвёртые сутки гремит по крыше.

ИНЫЕ БЕРЕГА

Бессмертие

А переживёт надолго ль в заветной лире?
А прочим во внуках остаться бы робкой тенью.
Но если излишне зорок — доступно зренью
то время, когда во вселенной, в подлунном мире

немыслима жизнь. Остыли светила, или,
точнее сказать, энтропия царит повсюду.
Ни сына Марии и плотника, ни Иуду
там некому вспомнить. Такие вот «были-жили».

Но мальчик чумазый, поймав стрекозу, смеётся.
Твой мир навсегда с тобой. Ты живёшь на даче.
Зря разум пронзает время, дивясь удаче —
что сердце как раз сегодня о рёбра бьётся.

Пирамиды

Поверх пирамиды глядящий верблюд
жуёт, повернувшись спиной к рассвету.
В платках и тюрбанах обветренный люд,
слегка подивившись, забыл про комету.

В огромных зрачках, словно в толще воды,
в печальных и мудрых глазах у верблюда
дрожит отраженье косматой звезды.
Но вовсе не ждёт он неожиданного чуда.

Так поздно, что наша погасла звезда,
во мраке планетой любуясь с орбиты,
межзвёздный скиталец, добравшись сюда,
скорей на Памире найдёт пирамиды.

Горячему сердцу везде неуют!
В пустыне ночной и на солнечном пляже.
...Комета умчалась. Верблюды — жуют,
о тысячелетях не ведая даже.

Диалектика

Есть различные числа. Душа и до ста-то даже не умеет считать. За пару тысячелетий, как с уловом, Ловец? От рождества же диалектики — век, наверное, третий.

Забрели Твои пасынки в бурелом мышления, где пространство от времени неотделимо. Подтверждают растения. Наблюдая их тени, я вижу часы эпохи расцвета Рима.

Метафизике, милые, не хватает практики. Гороскоп не подскажет, когда пригорят котлеты. А Его окликать в этом углу галактики — что речушку Вьюн искать на глобусе. Где Ты?

Где ты, где я? С удочкой, на Вьюне ли, или на Гладышевке я замечтался снова? Водомерки бегали, рыбы смеялись, пели комары да лягушки. И лучшего нет улова.

Пять углов

Разносчица Оля. Разъезжая, 7.
Чужая неволя. Глотнул алкоголя:
не помню совсем.

Весна или осень...

Весна или осень? Что будет, что было —
в огромной вселенной ни «где» ни «когда».
О муха, в размокшее влезшая мыло!
О жук в янтаре! Лишь прочерк, тире.
Сквозь чёрные кроны погасшая светит звезда.

Прощаться пора: ты побудешь со мною?
Нам вечность знакома: она за спиною.
И дальше ль до ящеров, чем до тебя?
Зачем же тогда называю родною? —
отнюдь не жалея, ничуть не любя.

И мой разноstopник тебе — что на хинди.
О, с кем бы чуток поболтать ни о чём?
И дальше теперь до тебя, чем до Индии.
Ну, кто-нибудь, право, толкните плечом!

Тепло от асфальта... Тепло от асфальта
запомнилось, тень от герани резная, коты.
Пятнадцатилетним! — отправьте на Мальту.
Виват амазонкам! — а я и поныне боюсь наготы.

О чём замечталась, уборку забросив?
Давай, не горюй, не горюй — улыбнись!
Тут пальчиком не погрозит мне Иосиф:
теперь мой черёд потаращиться ввысь.

И я улыбаюсь! —
Мне нынче приснятся волшебные сны.
Зачем я кидаюсь
в объятья страны, чьи позёмки темны?

И с кем попрощаюсь, кому улыбнусь?
Мой друг драгоценный! Конечно — боюсь.

Весна или осень...

Весна или осень нагая?
Не знаю. Не знаю, к кому обращаюсь, кому...
Тропу пролагая... Тропу пролагая — во тьму.

В галактике где-то — в медвежьем углу —
закрылась пивная? Вперяюсь во мглу.
Там образ ничей не маячит уже.
И гаснет... И гаснет окно на втором этаже.

Письма звёздному другу (бормотанье)

Мне приснился кошмар, где я — ты представь! — живу на какой-то планете, причём в совершенно глупом человеческом обличье, и каждый раз к Рождеству напиваюсь до чёртиков. Как объяснить! Как с супом миску по электронной почте пошлешь едва ли — не переведёшь, что значит: «а мне давали цацы такие!» У них там с водопроводом проблемы в домах и телах, — а ещё под сводом из кости, из студня мозг. Не кричи «о боже!»: чёрные дыры звёздами были тоже. Мне так долго никак не проснуться, что я привык. И немножечко даже выучил их язык.

С точки зрения робота — вовсе и не беда, что приходится писать: он тоже, возможно, смазку отработанную сливает. Но ерунда эта никогда никого не вгоняет в краску. Просто буря эмоций, осмысленная лишь ради нетехнологичности метода размноженья, да ещё и записанная в тетради в виде символов скрюченных, на коренья смахивающих, — но оставим пока за скобкой их съедобность, душою смущаясь робкой: мне так долго никак не проснуться, что я, похоже, в собирателя трав превращаюсь тоже.

С точки зрения Эйнштейна, будто бы в янтаре
мир застыл — никакого движенья: пространство-время.
Как на киноленте: случившееся в декабре
за пятнадцать метров до дятла, который в темя
или в шифер на крыше колотит. Ему там куклу
приклепали, а он не боится — долбит, зараза.
Вот не сплю и таращусь на эту двояко-впуклу
или выпуклу: на соседку. Четыре раза
прилетал нынче дятел. И крепко достал уже.
Не заснуть ни за что, говорю, на втором этаже.
Ну никак не заснуть, не проснуться. Всю ночь в прозрачном
светлом небе сосны шумят в разговоре дачном.

Мои миры

Как засыпать волнительно и чудно —
как боязно, тревожно засыпать!
Как будто бы отчаливает судно
в неведомые области опять.

Где незнакомый мир непредсказуем,
но жизнь ещё совсем не прожита.
А в беспокойной пропасти за буюм
лиловых спрутов прячет темнота.

И в три зигзага лампочками Эльма
на удочках мерцанье ночника,
и облаков стремительные бельма
по бархату бегут издалека.

Сходить опять на берег незнакомый
среди других растерянных теней,
не знающих, откуда мы и кто мы, —
что может быть волшебней и вольней?

Что может быть страшней и безрассудней —
веряться безраздельно и вполне
из обжитой обыденности будней
в глубинах мозга прячущейся тьме? —

на лодочке неверной отплывая
в иной предел, где память неверна:
там милый лик иль маска неживая?
Я до утра ворочаюсь без сна.

Полуденный сон

Сон полуденный так сладок!
Солнце плещется в листве.
Полон чудных он загадок,
с дальним странствием в родстве.

Он тревожен, робок, нежен
и почти неуловим.
Шмель гудит вокруг черешен.
Улетит — исчезнет с ним.

Просто в сад окно открыто.
Кроны, сосны, синева.
Скрылся шмель. Но кто же ты-то,
пробудившийся едва?

Так доносит ветер свежий
пару нот — и ты готов
клясться: «Слышал!» Только где же?
Ни мелодии, ни слов.

Иные берега

Я перечитывал Набокова — и вот:
я плохо засыпал; потом, уснув,
о чём-то долго думал. Так машина
газует зря на холостом ходу.
С утра от сна отклеивал реальность,
заваривая растворимый кофе,
комки упрямо в чашечке давя.

Я обратил внимание, что сны
с годами стали лишь разнообразней —
из них исчезли глупые кошмары, —
зато какими сочными бывают
обида или ощущение чуда!
И чувства новизна — что отличает
от зрелости и молодость и детство —

сны не покинула; скорей — наоборот:
она богаче стала — как на грани
безумия — и кажется, уже
я вспоминаю тех других существ,
одно из коих я, и чудный строй
непостижимой логики и смысла.
И я гляжу вокруг с недоумением:

скажи, зачем придуман этот мир?
Огромный полигон для десяти
алкаемых наукой уравнений?
А может быть, в саду стоит манеж
для неокрепшей маленькой души,
пока она взрослеет, уставая
от бедности соблазнов и утех?

Зачем, скажи, придуман этот мир?

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Икота

Пусть Листа мне никогда не сыграть с листа,
пускай близорук, — но служит пока сетчатка.
Какими бывают тьма или глухота?
А если с утра икота иль тошнота,
так это от антрекота. Иль опечатка

Того, Кто жизнью свыше руководит?
Такая шутка безнравственна и убога.
Ему виднее, зачем нам дана изжога.
Так неоплатен выданный мне кредит,
что можно икать — и стыдно пенять на Бога.

Считалочка

О, сколько я извёл чернил —
всё на тебя одну:
где взять еще и слов и сил?
Как чудно я тону!

Как наслаждаюсь я бедой,
вдыхая влажный мрак:
о чем поплачешь ты — седой
птенец, ворчун, дурак?

Приснятся сны, промчится век:
столетья — впереди;
и будет сыпать мокрый снег,
и будут лить дожди;

и будут радость и беда:
лови, спеши, изволь!
Чужие лица, города...
Птенец, дурак, король...

Валдай

Люби кого-нибудь: неважно,
кого любить, когда, зачем.
Остывший чай: пора поэм.
Не избегай избитых тем.
Живи небрежно и отважно.

Живи как жил: спеши, рыдай.
Пиши сонеты и постели.
Мотайся сдуру на Валдай.
Стишки никчёмные издай.
Не умирай в своей постели!

Утренний кофе

А ещё я скажу: уподобьте поэта женщине.
Пусть он бабник и едет с винчестером грозным в Африку,
прозорлив и остёр; и пускай ощущает вещи не
пылким сердцем — а пальцем как будто ведёт по графику.

Но какая-то малость: изломанность нелогичная
или мнительность бабская (ты, дорогая, пойми-прости!)
раздражают любого. А что до меня — так лично я
аж бешусь от бессмыслицы этой, от этой вздорности.

И на чашечке с кофе не нравится мне зазубрина.
И ужасно противно, что шепчутся снова женщины.
И совсем не понятно — то ль жизнь уж давно загублена,
то ли тайны чудесные робкой душе завещаны.

Писатели газет

Ох, нельзя огульно и всех — я знаю.
В ноги сам иным бы готов упасть.
Но несметную вижу с тоскою стаю —
и у каждого падалью пахнет пасть.

Слухи, домыслы, всяческие догадки:
мертвечинку любит пушистый зверь.
Этой женщине с сумочкой белой гадки
все пороки людские — уж ты поверь.

Беззащитная девушка, незабудка.
Языкам не обучена — ах, щенок!
По-людски поболтай. И наутро — утка.
Это, знаешь, Шариков! Но пинок,

столь уместный, всё-таки негуманен.
Жаль, хоронят раньше гуманных *тех...*
Всё, что молвлено в исповедальнях спален,
из газетных после течёт прорех.

На бездарность множа (деля на честность:
ох, когда б у *этих* была она),
множа на невежественность, безвестность
всё ж зачтя, — беззлобно пошли их «на».

А в момент зачатия, муж достойный,
воскликая что-нибудь вроде «йяя!» —
помолись, чтоб в этой бадье отстойной
не барахтались дочки и сыновья.

Голливуд

Зачем Евклид, гекзаметр, Голгофа?
Такое дело: автокатастрофа.
Она, всего, спешила на дебют
двадцатилетней дочери. О боже,
не осуди моей бесстыжей дрожи:
я не могу! А вот — они поют
и демонстрируют бессовестно таланты,
из чемодана вытащив пуанты.
Зажмурь глаза: веснушки, ляжки, банты.
И всех задорней парень чернокожий,
бойфренд её, коленками назад:
всех покорил его поджарый зад,
хотя улыбчивой он удался и рожей.
Все пили сладкое: спуманте и мускат.

Она совсем на дочку не похожа.
Мне жаль её, наверное, но тоже
лишь заодно. Какую ни возьми
судьбу — и голливуд выходит снова:
берёшь сюжет — все хлопают дверьми
или дверями. И мороз по коже.
О мышцах лицевых пиши роман —
о ямочках чудесных на щеках.
Когда бы был у каждого стоп-кран,
когда б не дело в хрупких позвонках.
Всё дело в генах, дело только в генах!
Жестянку разрезали автогенном.
Но на Земле, где облака плывут,
любой сценарий — тот же голливуд.

Она спешила к дочке на дебют.

Почти из Кавафиса

...Когда на планету из бездны плывёт астероид,
когда апокалипсис близок и неотвратим —
чинить бесполезно текущие краны. И строит
молельню безумец; в Содом превращается Рим.

...Когда оказался диагноз смертельного рака
нелепой ошибкой — как дальше по жизни идти?
Смотреть равнодушно, как ржавая капает влага?
Сантехники пьют. А тревога скребётся в груди.

Новый век

Вот дела: к сорока уж.
Удивляйся всерьёз.
Ощущение: рауш
применили наркоз.
Не любовник, не муж.
Не бродяга, не Крёз.
Дамы или дома — уж
вполз и лёг там, как уж.
Пленник пепельных кос.
Никаких тубероз.

Никакого наркоза:
над тобой — бирюза.
Над тобою — берёза.
Век скатился, как с воза
баба — или слеза.
Никакого наркоза.
Никакого цирроза.
Чуть прикроешь глаза:
над тобою — берёза,
над тобой — бирюза.

.....

Сто лет спустя

Ну ладно, вот он я! — небось анфас:
раз вы глядите на меня, как в зеркало.
Я вас не знал, я не писал для вас:
меня мутило, дёргало, коверкало.

Я жить хотел — о, как я жить хотел!
Щетина на щеке: как всё запущено.
Я — древних рыб осыпавшийся мел.
Откуда я? Совру: сбежал из Пущино.

Но все слова (коль им прорвать дано
громаду лет — то не трудом, а мукою) —
достались вам — которым всё равно,
как я рыдал душою близорукою.

Обезьянья лапка

Исполнения желаний
ничего печальней нет.
Сколько трепетных стараний,
сладких мук и чудных бед!

Плеч касаться и коленей
что запретней и страшней?
Что бывает вожденней?
Ну и что мне делать с ней?

В старой сказке обезьянья
лапка чёрная была.
Воплощала все мечтанья.
Но душа всегда лгала.

Сны

Я вот о чём хотел бы поболтать,
оговорив сперва, что не несчастлив
и мог бы жить патрициям под стать,
богов своих до времени умаслив, —

но почему бывает лишь во сне
тот трепет от прикосновенья к чуду,
тот сладкий страх, привидевшийся мне,
который я ищу теперь повсюду?

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ЗАПОЙ

Бесснежная зима

Такая странная зима.
Она на зиму не похожа.
Свалялась грязная рогожа
на тротуарах, и дома

глядят-глядят в упор незряче.
А где снежинок бахрома?
Зимой лучше жить на даче.
И тут и там схожу с ума.

В часу седьмом, мой друг, не знаю,
заря какая. Милый мой,
собой невозможно быть зимой.
Мой друг, я снова забываю,

да-да, прекрасные слова.
Шепни. Проговори полслова.
Я просыпаюсь в полвторого.
И снова ноет голова.

Поговори, шепни полслова.
Я просыпаюсь в полвторого.

Моя треска

М. Щ.

Набегают волна на холодный песок.
Кто-то пьёт с ненаглядной берёзовый сок.
Мне успеть бы помыться, ага, причесаться.
Как же хочется жить: не спеша надышаться.
А кому закричать, да и как докричаться?
Разрывается сердце? Ему разорваться —
ерунда-ерунда. Я всего лишь продрог.
Невозможно помочь. Не успеть попрощаться.
Ничего. На столе только клюквенный сок.
Разрывались какие-то трубки и тряпки.
Гадость-гадость! За горстку рифмованных строк?
Под столом — только старые рваные тапки.
Жил и пел, как умел, — а иначе не мог.
Я хотел бы прилечь — ну пускай на песок.
Отдышаться.

Гардероб

Я вышел из бара. Из бара.
Мутило. Мутило меня.
Я зарифмовал «капибара»:
она рифмачу — западня.

Я? — выпил. Четыре недели.
Зима. Толкотня. Пустозвон!
Четыре недели свистели
метели.

Какие метели,
когда продырявлен озон?

Озноб. Толкотня. Облепиха.
Смешная твоя болтовня.
Ты — плачешь. И неразбериха
в моей голове, толкотня...

Мотылёк

В моей галактике бездонной
мне тесно, зябко, друг мой милый
и незнакомый. Кто ты, где?
Придавлен я, придавлен тонной —
не мерой веса! Груз унылый
неволит грудь. Вокруг, везде
глаголит всяк, но борозде
конь не указ; а шестикрылый
приснится зверь — всегда к беде.

О дай поспать: слетать к звезде.

Друг незнакомый мой, я плачу,
тебя не зная. Вот беда.
Уже четверг, прошла среда.
Я не надеюсь на удачу, —
но я ищу тебя всегда,
везде. Хочу к тебе прижаться.
Хочу заплакать. Боже мой:
я плакать не могу! Домой!
А где мой дом? У святотатца
ни дома, ни земли родной.

Я так хочу к тебе прижаться!

Три серебристых мотылька
в июле или же в апреле
кружились в солнечной купели.
А пять пропоиц у ларька,
нетрезвые наверняка,
о чём-то, веришь? — тихо пели.
И проплывали облака.

И пусть едва ль она легка,
дай руку — вот моя рука!

Кружились в солнечной купели
три серебристых мотылька.

Обеды и набоковеды

Собаководы и набоковеды...

А. Пурин

Собаководы и набоковеды.
Растраченные годы и «победы».
Мы сочиняем оды и сонеты.
Мы кутаемся в клетчатые пледы,
и снятся нам три ломтика свободы.
Гостиницы, погосты и гостинцы.
Рождественской пленяйся кутерьмой!
В Тайланде тоже снега нет зимой.
Набоковеды и собаководы.
Три ломтика несправедливой свободы.
А для чего топтали разночинцы —
не знаю я, не знаю, боже мой...

Пей жидкий чай из чашечки стеклянной.
Стучи незвонко ложкой оловянной.
Не назови случайно дочку Анной.

Тащились с продовольствием подводы.
Забудь-забудь про водные походы.
Текут вокруг рождественские воды.
Паскудней не припомню я погоды.
Приобретаю загодя билеты
и путаю закаты и рассветы.
Не хныкать, цыц! Не жалуйся, не ной.
Я сочиняю славные обеды!
Мои друзья — такие непоседы.
А что прекрасней дружеской беседы?
Мы от тоски поправимся — весной?
Поговори, поговори со мной.

Не запирайся слишком часто в ванной.
Не назови случайно дочку Анной.

Отпразднуй Новый год и День Победы.
Плохой погоды нету у природы.
Китайских личи солнечные всходы
и грязные ночные огороды.
Конструктор «Лего» завезли в Воронеж.
Начнёшь тонуть и весь к чертям утонешь:
бессонница, Гомеры, пароходы.
Нелепые ненужные расходы.
Зачем природе четверги и среды?
Янтарный грош украденной свободы.
Я путаю закаты и рассветы.
Горячий воск и пчёлы, мёд и соты.

Пусть будет ночь просторной и желанной.
Не назови случайно дочку Анной.

Портвейн

Седой подполковник трясётся в вагоне товарном,
но держит винтовку уверенно наперевес:
стреляет в цистерну, — но мчится в кошмаре угарном
погоня: дрезина и пара безбровых повес.

Я вас обманул: адмирал озирает в изумленье
расстроенный строй кораблей, и резвился Борей:
то бриз беспокойно метался в чудесном сплетенье
из тросиков, тряпочек, палочек, гротов и рей.

А автор бутылку портвейна купил на Литейном,
Леонтьев и Пурин её пронесли втихаря,
рискнув разливать под столом в заведенье питейном.
А всё, что мы знаем о жизни, — мы знаем не зря.

Охта

Дымились над ночным ручьём
плакучи ивы.
По жизни были мы ворьём,
сластолюбивы.

Но крали мы по пустякам;
и слезы, жгучи,
не пробегали по щекам.
И из-за тучи

небесный свет отнюдь не жгуч.
Но как тревожен
случайный блик! И блёклый луч
луна из ножен

то вынимала, то опять
скрывала в ножны.
Не возлюбить и не распять!
О, как безбожны

причалы веры! Вот печаль...
Шепни «не надо!»
кому-нибудь... Отчаль-отчаль,
кораблик сада

пустых простуженных ветвей
пустым трамваем.
Поди — словами мрак развей!
Мы забываем

ночных плакучих ив печаль.
Кораблик лунный,
спеши-спеши, в сумбур отчаль
на шестиструнной.

Просьба

Сколько месяцев как не жив или просто в коме.
Непонятно, о чём с ним беседуешь по ночам.
Как с бессонницей скушно метаться в огромном доме
и с утра удивляться солнца чужим лучам!
Разреши мыть пол, покупать крупу, убирать посуду.
И пыль вытирать повсюду, где лак блестит.
Я буду драить паркет, улыбаться буду
всякому, кто меня навестит.

Рыбу ловить в ручье разреши неспешно,
из досочек сучковатых сколачивать дай скворешни.
Но только не дай умереть от моря вдали.
Не дай задохнуться в пыли.
Ни марш-броска, ни — перепрыгнуть забор:
старею, как гриб дымовик, только вот без спор.
А как придут холода, дай мне силы хоть
дров наколоть.

Как хочется улыбнуться кому-то, кто
подумает чёрт-те что.

Электричка на Сосново

Роксане и Максиму

А если смерть и впрямь небытие,
то позади осталась половина:
там татарва визжала, как зверё,
от динозавров пенилась тряси́на,
была вселенная не больше апельсина.
Когда б узнать, каков финал её...
— О чём ты ноешь, глупая скотина?

Запомни: электричка на Сосново
(а там до Колосково пять минут).
В субботу отправленье в полвторого.
Ты вылезаеть — там уже и ждут,
везут и славно поят, и уют—
но спать кладут. И утром поят снова!
И это, по-заморски, «very good».

Запомню: электричка на Сосново.
Согреюсь у камина в пять минут.
На Новый год меня ведь где-то ждут! —
нетрезвого, немьтого, любого,
женатого, дурного, холостого,
земного, непонятного, простого,
слов поднабравшегося здесь и там и тут...

Морошка

А вечный сон скорей похож
на сон до нашего рожденья:
куда прекрасней пробужденье,
когда не сразу узнаёшь
своё слепое отраженье,
когда с утра колотит дрожь.

Чужой язык, прилипший к небу,
латыни пасмурной сродни.
Нема гортань. Поди сравни...
Поди сглотни!.. Но про утробу
тут ни словечка. Извини:
стишки — приют для болтовни,
но вредоносному микробу
не всё позволено, ни-ни!

Я лучше так тебе шепну:
«Мы у ручья. На дне лукошка
шуршит болотная морошка...»
Забыл столетье и страну.
Я только помню: пела кошка
на печке песенку одну.

Потом, пятнадцать лет спустя,
в малиннике, за огородом,
мы перепачкались компотом
от щёк до пят. Когда дитя,
что мы с тобой шутя зачали,
в мир скорби выползло, крича,
в мир скорби, боли и печали, —

о, если б я тогда шепнул:
«Мы у ручья. На дне корзинки
от трёх волнушек половинки.
Мы слышим длинной жизни гул,
кляня промокшие ботинки».

О, если б я тогда шепнул.

Ночь

Но такая чужая,
над тобою кружась и мечась в темноте,
целый мир окружая,
не похожа на те,
что когда-то и как-то
пережил, перемог.
Не бессменная вахта —
бесполезный урок.

Рождество

Наконец на рассвете
снег скрипит под ногой.
Не напомнит о лете
над берёзой нагой

чуть живое светило.
По цепочке следов на снегу
сразу видно — штормило...
Побреду, как могу...

НЕЖНОСТЬ

Звезда

Памяти Анненского

Взгляни на небосвод — коснётся сердца грусть.
Мерцание светил не обещает встречи;
и тленья убежать возможно ль в русской речи? —
уж нынче ничего не знают наизусть.

Не надыхаться, не наговориться впрок!
Не бойся, говорю — надеждой тешась зыбкой,
как промотавший жизнь в беспмятстве игрок,
бредущий под дождём с растерянной улыбкой.

Не бойся, говорю: ты просто спишь в саду,
и над тобой плывёт ночной листвы громада;
тебе двенадцать лет, и влажный шепот сада
навеял длинный сон про синюю звезду.

Не бойся, говорю... Белёная луна
бежит в разрывах туч, и дремлют под корою
столетьями жуки. И синяя одна
дрожит вдали звезда — едва глаза прикрою.

Обморок

Над городом горит одна звезда, —
а я совсем другой звездой люблюсь.
В подъезде с комсомолкой поцелуюсь —
и забирай отсюда навсегда.

Страшней ли умирать, когда цветёт
сирень, когда в окне смеётся кошка,
и девушка, которая поёт,
с утра кому-то машет из окошка?

Когда акации стручки в голубизне
листвы и неба, в обмороке солнца
тебе напоминают про Моне,
а кошка лапкой машет из оконца?

Звезда — её как хочешь называй.
Не солнце, нет — совсем звезда чужая.
Не вздумай обернуться, уезжая
к другим морям, в иной приветный край.

Плюшевые медведи

Я видел, как взрослая женщина плачет
над ватной игрушкой. Мой бедный щенок —
я плакал! — но толком я плакать не мог.
Я жизни боялся, я просто робел.
Всё было, всё было: белей, чем пробел.
Белее, чем рыб ископаемых мел.
Я плакал, увидев, как женщина плачет.
Я плакал, но плакать ещё не умел.

Киносюжет

Мой герой, пусть он будет приятен — высок
и немножко сутул, и, конечно же, худ.
Пусть идёт вдоль реки, где зарылась в песок
борона, позабыв про упорство и труд.

Пусть он, скажем, в бессмысленной ссоре с женой.
С лесопилки уволил начальник—кретин.
Он идёт и мусолит ломоть свой ржаной,
столь ненужный среди шишкинских фотокартин.

А потом уезжает, наверное, в Крым.
Он бы к лучшему другу поехал, но тот,
может, шашни с женой затевал — только в дым
разругались они — кто их там разберёт?

Он бы к дочери, ясно, заехал, — но та
занята: всё примерки, вокруг — женихи.
У неё что ни день, то другая мечта:
все ей дарят цепочки, брелоки, стихи.

Он потом заплывает в Крыму за буйки,
пристаёт к длинноногим красоткам, и те
снисходительны так же, как и далеки,
и сродни потому идеальной мечте.

А затем? Ну конечно: жена умерла.
Друг, узнав, в тот же день продырявил висок.
Дочь, услышав про эти дурные дела,
родила не дитя — просто плоти кусок.

Вот такая мура, где там Крым, почему
в суете покормить позабыли котят?
Мой герой, он не станет другим — не ему
в чёрном небе чужие созвездья блестят.

И бредёт вдоль огромной реки он опять,
вдоль корявых корней, раскрошившихся свай.
Он сопьётся вконец только лет через пять,
он идёт напевая: «Пей, не унывай».

А у нас в Петербурге июль наконец,
долгожданное лето, теплынь, чудный штиль,
и идёт вдоль Невы молодец–удалец,
и над ним рассыпается звёздная пыль.

А у нас наконец ни тоски, ни беды,
только влажная плещется утром листва,
только ветер с Невы замечает следы,
ветер слёзы стирает, уносит слова.

Мы шагаем

А мы шагаем по городу — рука об руку.
Вовсе не благодаря, — а вопреки.
Мы снимся самим себе и тому облаку.
Поэтому зонтик. И ветер дует с реки.
Эту огромную реку зовут Нева.
Попутчики дураки, но шумит листва.

А дали наполнены стиснутою печалью.
А ты говоришь: «А мы незнакомы ваще!»
Я тоже твою приобнять не пытаюсь талию.
Простуженный Блок, сутулясь, проходит в плаще.
Река, между нами, пасмурна и темна,
бездонна и холодна.

А мы с тобою шагаем. Цветёт дерево.
А ты смеёшься, ты даже не влюблена.
В твоих наушниках что-то поёт стерео.
Брандмауэр безнадёжнее, чем стена.
Агенство: влюблённым путёвки на остров Крит.
Ну кто же, скажи, с тобою поговорит?

А пасмурная река зовётся Нева.
А жизнь такова и больше некакова.
И над тобою и надо мной синева.
А думаю только: о боже! — жива, жива.

Animal Planet

Иные лягушек голубят, а тот —
Иван-дурачина, красавец, урод, —
он жабу целует, он любит её:
за пазуху прячет и стелет бельё
хрустящее ей. На паркет лопухи
сажает и чудные пишет стихи:

«Мой злобный совёнок, о чём ты молчишь?
Тебя не заменят ни клётс и ни стриж!
Что клюв у клеста или хвост у стрижа?
А ты бесподобна, смешна и свежа».

Он плюшевых ей покупает жабят,
в шелка одевает от ушек до пят:
ждёт метаморфозы. Отчаявшись, ей
в болото ручных поставляет червей.
А сам, как Емеля, сидит на печи
и горькую пьёт, напевая: «Ворчи,

кричи, моя радость: над нами светла
луна проплывает; а наши дела
кого удивят через десять веков?
Был проблеск мгновенный — и был он таков».

Иным бы спешить по проспектам в кино,
по каплям цедить дорогое вино,
писать натюрморты да в горы ходить —
пока позволяют здоровье и прыть.
А наш бедолага на печке плавёт
по пасмурным водам карельских болот.

Так светел, мой друг, небосвод поутру!
Я слёзы утру и окошко протру.
И гусениц буду крошить для ежат —
они с голодухи ужасно визжат.

Очкарик

Начудили дьяволята:
месяц криво приколочен.
И всю пиццат маслята
тёплым вечером с обочин.

Что в тумане происходит?
Королевская охота?
То ли гулко скачет кто-то,
то ли рядом тихо ходит?

Чешет хитрый пёс с ухмылкой
задней лапой возле уха,
и обглодана краюха
над заречной лесопилкой.

Спит карась в пузатой склянке,
не дивясь такой удаче,
в блочном доме на Гражданке
или в Горьковской на даче.

Это присказка, и только:
переспрашивать не надо.
Был грейпфрут — осталась долька.
Начинается баллада.

Где неправильные пчёлы
и совсем никчёмный шарик,
где-то бродит после школы
незнакомый мне очкарик.

По тропинке, может, мила:
он идёт с открытым ротом
и гадает, простофиля,
что же там за поворотом.

С ним шагают пёс-приблуда
и блохастый кот-задира:
гости к нам из ниоткуда,
в мир огромный, как квартира.

Вислоухий пёс на горке
сочиняет ночью песни
и горланит дынной корке
их под утро — хоть ты тресни.

Кот мышей ловить не хочет:
прыг в сапог и там кемарит.
Скорый поезд прогрохочет —
всех немножко покошмарит.

А распустится в зените
разноцветная ракета —
горстку ёлочного света
мне с собою заверните.

Нету строя, нету лада:
всё с надрывом да надсадом.
То ли пишется баллада,
то ли кто-то дышит рядом.

Где-то спит старик в качалке.
А дитя канючит в люльке.
Семиклассник пишет Юльке.
Из гнезда стрекочут галки.

Где-нибудь не будет свадьбы.
Принц робеет на подмостках.
Только праздник не проспять бы
и огромный цитрус в блёстках.

А очнёшься — эка жалость!
Конфетти да корки — или
даже дольки не осталось?
Будто мыши растащили.

И баллада — просто горе.
И очкарик бродит где-то.
Кот разлётся на заборе.
И прошло большое лето.

И рисует мальчик Волька
синий гриб над Хиросимой.
А слова такие только
от тоски невыносимой.

Сирень

А он говорит: «Ты же в этом году
скаталась во Францию, в Ялту, на Кубу,
купила из лиса какого-то шубу —
зачем же такую молоть ерунду?»

Она говорит: «Ты припомни, как мать
твоя на меня в тот четверг поглядела.
Ах, ты не заметил? И нет тебе дела,
и вовсе тебе на меня наплевать».

А он говорит: «Даже пол не помыт,
не то чтоб с неделю — аж целых полгода.
Не гробят тебя нищета и работа,
могла бы хотя бы поддерживать быт».

Она говорит: «Ты цветы иногда
дарил бы, как сыч не сидел над работой.
По девкам гулять ты считаешь свободой!
Ни советы нет у тебя ни стыда!»

Меж тем жесточает режим и уже
стоит на пороге война мировая,
пока наш герой-полуночник, зевая,
на кухне глотает коньяк в неглиже.

Меж тем зацветает сирень во дворе.
Гроза надвигается с юго-востока.
В огромной вселенной ни смысла, ни прока.
И птицы немолчно орут на заре.

Нежность

В конце октября в этом парке на редкость безлюдно.
Лишь двое проходят: тяжёлые палки-зонты,
нелепые куртки. Ступают нетвёрдо и трудно.
И долго молчат у холодной осенней воды.

И лучшего нет. И не надо. Бессмертным созданиям,
наверно, и страсть стиховая — игра для ума?
Не место в Эдеме молитвам и воспоминаньям.
А жизни бессрочной она оправданье сама.

Но лёгкой душой никогда бы мы так не любили
родные черты — в голубиной дали купола,
прозрачную флейту, ночные янтарные шпильки —
когда б не разлука, а вечность пред нами была.

Ложатся холщовые листья на вымокший гравий,
и морщится гладь потемневшей бездонной реки.
И нет ни имён, ни столетий, ни глав, ни заглавий.
Возможна ли нежность без нашей смертельной тоски?

Содержание

ЧУЖИЕ ГОРОДА

Первый снег	7
Облака	8
Мимозы	9
Ветер	10
Dolce Vita	11
Чужие города	12
Дыра в будущее	13
Поезда-провода	14
Школьному другу	15

ИНЫЕ БЕРЕГА

Бессмертие	19
Пирамиды	20
Диалектика	21
Пять углов	22
Письма звёздному другу (<i>бормотанье</i>)	24
Мои миры	26
Полуденный сон	27
Иные берега	28

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Икота	31
Считалочка	32
Валдай	33
Утренний кофе	34
Писатели газет	35
Голливуд	36
Почти из Кавафиса	37
Новый век	38
Сто лет спустя	39
Обезьянья лапка	40
Сны	41

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ЗАПОЙ

Бесснежная зима	45
Моя треска	46
Гардероб	47
Мотылёк	48
Обеды и набоковеды	50
Портвейн	52
Охта	53
Просьба	54
Электричка на Сосново	55

Морошка	56
Ночь	58
Рождество	59

НЕЖНОСТЬ

Звезда	63
Обморок	64
Плюшевые медведи.....	65
Киносюжет	66
Мы шагаем	68
Animal Planet	69
Очкарик	70
Сирень	73
Нежность	74